РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ: ВЫЗОВЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Sari-Zade Xazrat-Ali Xasay ogli
Магистрант УМЭД
Телефон: +998(99) 800 30 65
E-mail: xazratalisarizade@gmail.com

Аннотация (RU): В данной статье рассматриваются современные тенденции регионального сотрудничества на Южном Кавказе в условиях трансформации международной системы и усиления конкуренции внешних акторов. Анализируются ключевые вызовы, такие как неурегулированные конфликты и влияние внешних акторов, а также перспективы развития многостороннего сотрудничества. Особое внимание уделяется новым форматам взаимодействия и их влиянию на долгосрочную стабильность региона.

Ключевые слова: Южный Кавказ, региональная интеграция, безопасность, геополитика.

Введение.

Исторически Южный Кавказ представляет собой один из наиболее комплексных и геополитически значимых субрегионов мира, занимая стратегическое положение на стыке Европы и Азии и выполняя функции транзитного, энергетического и культурного коридора. Однако после обретения независимости Азербайджаном, Арменией и Грузией в постсоветский период, регион стал ареной как для этнополитических конфликтов, так и для конкуренции интересов крупных мировых и региональных держав [1].

Проблематика регионального сотрудничества на Южном Кавказе остается одной из наиболее дискуссионных в современной теории международных отношений и политологии. При этом, несмотря на очевидную экономическую целесообразность глубокой интеграции, политические и исторические противоречия зачастую выступают существенным препятствием для ее реализации.

Настоящая статья посвящена комплексному анализу текущего состояния регионального сотрудничества на Южном Кавказе, выявлению основных барьеров на пути интеграции и оценке перспектив реализации совместных проектов в условиях динамично меняющейся глобальной архитектуры безопасности.

1. Теоретико-методологическая база исследования.

Анализ динамики Южного Кавказа требует обращения к теории региональных комплексов безопасности (Regional Security Complex Theory), разработанной Б. Бузаном и О. Уивером (2003). Данная парадигма постулирует, что безопасность государств в пределах одного региона формирует единый комплекс, где взаимозависимость в сфере угроз значительно превалирует над связями с внешними акторами [2].

В международных отношениях региональное сотрудничество рассматривается как форма взаимодействия государств, направленная на достижение общих политических, экономических и социальных целей посредством институционализированных механизмов координации [3].

С точки зрения неолиберального институционализма, международное сотрудничество возникает как следствие формирования международных институтов, способствующих детерминированности и сокращению транзакционных издержек в межгосударственных

отношениях [4]. Согласно данному направлению, государства, несмотря на наличие разногласий, заинтересованы в развитии коллаборативных механизмов регионального управления.

Представители неореализма же настаивают на том, что международное сотрудничество лимитируется стремлением государств к обеспечению собственной безопасности и поддержанию баланса сил [5]. В контексте Южного Кавказа данная парадигма находит свое яркое проявление, учитывая перманентные противоречия между государствами региона и конкурентную борьбу внешних игроков.

Конструктивистская теория ставит в приоритет влияние исторической памяти, национальной идентичности и коллективных представлений на построение регионального взаимодействия [6]. На примере Южного Кавказа эта идея приобретает особую значимость, поскольку исторические обиды и национальные повествования во многом формируют отношения между государствами.

2. Современное состояние регионального сотрудничества на Южном Кавказе

Южный Кавказ исторически является ареной соперничества великих держав. Стратегическая важность региона обусловлена его ключевой ролью в транзитных маршрутах и наличием богатых энергетических запасов Каспийского моря. С момента обретения независимости постсоветскими государствами, наблюдается активизация внешнего влияния со стороны России, Турции, Ирана, Евросоюза, США и даже Китая. Все эти игроки преследуют собственные геополитические и экономические цели, стремясь укрепить свои позиции в регионе.

Анализ процессов регионального сотрудничества требует обязательного учета дезинтегрирующих факторов, среди которых определяющее значение имеют этнотерриториальные конфликты. В течение трех десятилетий карабахский кризис выступал основным дестабилизирующим фактором на Южном Кавказе, препятствуя реализации инициатив по общерегиональной интеграции. Тем не менее, последствия Нагорно Карабахского конфликта 2020 года и события 2023 года привели к коренной трансформации статус-кво: восстановление территориальной целостности Азербайджана обусловило формирование принципиально новой геополитической реальности [7].

Военное урегулирование данного затяжного конфликта привело к снятию с повестки дня вопроса о статусе непризнанных территорий. Особый акцент был сделан на формировании транспортного коридора, который бы обеспечил связь между западными районами Азербайджана и его эксклавом – Нахичеванской Автономной Республикой ("Зангезурский коридор"). Реализация данного проекта открывала бы для Армении возможность выхода из транспортной изоляции путем установления железнодорожного сообщения с Россией и Ираном через Азербайджан, а для Азербайджана – прямой сухопутный доступ в Турцию [8].

Заключение «Соглашения об установлении мира и межгосударственных отношений между Азербайджанской Республикой и Республикой Армения» при медиации Соединенных Штатов Америки в 2025 году детерминируют фундаментальную трансформацию геоэкономической конфигурации региона. Данный документ институционализировал принцип взаимного признания территориальной целостности и денонсацию территориальных претензий, сформировав нормативно-правовую базу для интенсификации трансграничной интеграции в экономической, транспортно-логистической и гуманитарной сферах. Процесс нормализации двустороннего диалога способствовал реституции межгосударственных связей, ключевым индикатором которых выступила имплементация прямых поставок природного газа из Баку в Ереван. Данный прецедент способствует формированию симбиотической архитектуры региональной безопасности: для Армении указанный процесс выступает стратегическим инструментом диверсификации

энергетического баланса и преодоления пространственной изоляции, а для Азербайджана обеспечивая экспансию экспортных рынков и создание экономических детерминант долгосрочной региональной стабильности [9]. Дальнейшая нормализация отношений между двумя странами может открыть Южному Кавказу путь к созданию единого транспортно-энергетического коридора, соединяющего Черноморский и Каспийский регионы.

Другим значимым барьером остается ситуация вокруг Абхазии и Южной Осетии.

Абхазский конфликт, возникший в начале 1990-х годов, стал результатом перехода политических разногласий между Тбилиси и руководством Абхазии в фазу вооруженного столкновения. В результате боевых действий 1992–1993 годов Грузия утратила контроль над значительной частью территории региона, что повлекло за собой масштабную гуманитарную катастрофу и массовую вынужденную миграцию населения [10].

Конфликт в Южной Осетии развивался по схожему сценарию: вооруженные столкновения начала 1990-х годов фактически отделили регион от Грузии. Кульминацией кризиса стало российско-грузинское противостояние 2008 года, после которой Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии, что еще больше обострило политическую обстановку в регионе [11]. Ввиду этого отсутствие дипломатических отношений между Россией и Грузией, а также различия в оценках статуса Абхазии и Южной Осетии продолжают негативно влиять на процессы региональной интеграции [12].

Южный Кавказ представляет собой классический кейс комплекса, где неурегулированные армяно-азербайджанские и российско-грузинские противоречия оказывают прямое влияние на уровень милитаризации, векторы внешней политики и экономическую ориентацию всех трех государств. Как отмечает Т. де Ваал, Южный Кавказ характеризуется "фрагментацией": вместо формирования единого экономического пространства, государства региона выбрали дивергентные внешнеполитические траектории. Армения долгое время ориентировалась на военно-политический союз с Россией, Грузия взяла курс на евроатлантическую интеграцию, а Азербайджан выстроил многовекторную политику с акцентом на стратегический альянс с Турцией и балансирование между Востоком и Западом [13].

На текущем этапе региональное сотрудничество сталкивается с ограничениями, вызванными нерешенными политическими вопросами и расхождениями в их внешнеполитических стратегиях. Исследователи отмечают, что региональное взаимодействие страдает от недостаточной институциональной проработки, а его развитие часто зависит от внешних импульсов [14].

3. Экономические аспекты и перспективы регионального взаимодействия

Одним из перспективных направлений для преодоления политических противоречий и напряженности является развитие транспортных и логистических коридоров.

В условиях глобальных экономических трансформаций и последствий текущих конфликтов, **Срединный коридор**, соединяющий Китай, Центральную Азию, Южный Кавказ и Европу, приобретает все большее значение. Увеличение транзитного потенциала региона открывает возможности для укрепления экономических связей между южнокавказскими странами и их более тесной интеграции в мировые цепочки поставок. Однако, эксперты указывают на ряд существенных вызовов, таких как инфраструктурные пробелы, отсутствие единой транспортной политики и сохраняющиеся политические риски, которые препятствуют полному раскрытию потенциала этого стратегически важного маршрута [15].

Инициированный Турцией формат **"3+3",** объединяющий Армению, Азербайджан, Грузию, Россию, Турцию и Иран, призван служить платформой для развития регионального

сотрудничества в ключевых областях: транспорт, энергетика, торговля и инвестиции. Хотя формат уже продемонстрировал определенные дипломатические достижения, такие как проведение встреч на уровне министров иностранных дел и принятие совместных деклараций, его дальнейшая институционализация сталкивается с неопределенностью. Министерство иностранных дел Турецкой Республики обуславливает эту неопределенность как различиями в национальных интересах участников, так и сохраняющимися геополитическими противоречиями [16]

Особую значимость приобретают международные транспортные коридоры, служащие мостом между Европой и Азией. К ним относятся:

1) нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан,

2) Южный газовый коридор,

3) железнодорожная магистраль Баку – Тбилиси – Карс и

4) Транскаспийский международный транспортный маршрут.

Развитие транспортной сети укрепляет связи между государствами региона и усиливает их позиции на международной арене.

Перспективным направлением является также сотрудничество в энергетической сфере. Южный Кавказ продолжает играть важную роль в обеспечении энергетической безопасности Европы посредством поставок каспийских энергоресурсов. Помимо устоявшихся направлений экспорта углеводородов, активно прорабатываются инициативы по транспортировке возобновляемой энергии. В частности, проект прокладки подводного силового кабеля по дну Черного моря (Black Sea Submarine Cable), реализуемый при участии Азербайджана, Грузии, Румынии и Венгрии, имеет потенциал не только повысить энергетическую устойчивость Европы, но и способствовать укреплению экономических взаимоотношений в рамках Кавказского региона.

Такие ученые, как Libman и Vinokurov отмечают, что экономическая взаимозависимость может стать действенным инструментом для уменьшения конфликтов и наращивания доверия между странами [17].

4. Геополитический контекст и роль внешних акторов

Региональное взаимодействие на Южном Кавказе невозможно без учета внешних акторов, традиционно рассматривающих данный регион как зону своих стратегических интересов. Геополитическая конкуренция, как отмечает де Ваал [18], часто ставит под сомнение внутренние стремления стран региона к экономической интеграции.

Россия рассматривает Южный Кавказ как часть своего традиционного пространства и стремится сохранить историческое и политическое влияние в регионе. Особенно это было заметно в выступлении России в качестве медиатора в армяно-азербайджанском урегулировании, поддерживая военное присутствие. Тем не менее, перераспределение ресурсов Российской Федерации на другие направления создает определенный вакуум, который стремятся заполнить иные игроки.

Турция осуществила существенную трансформацию внешнеполитической стратегии, перейдя от роли регионального наблюдателя к статусу активного субъекта международных отношений. Расширение сферы влияния Анкары реализуется посредством углубления экономического партнерства, реализации масштабных инфраструктурных проектов и интенсификации военно-политического взаимодействия с Азербайджаном. Институционализация данного союза стала крепче подписанием Шушинской декларации в 2021 году. Параллельно с этим Турция выступает драйвером региональной интеграции, акцентируя внимание на развитии

логистической инфраструктуры — в частности, проекта Зангезурского коридора, призванного обеспечить транспортно-логистическую связность тюркского ареала с европейским пространством.

Иран, имеющий протяженные границы с Арменией и Азербайджаном, с осторожностью наблюдает за ростом турецкого влияния в Азербайджане. Тегеран заинтересован в поддержании регионального баланса сил, категорически выступая против любых изменений международно-признанных границ в регионе, опасаясь потенциального сепаратизма проживающих на его территории азербайджанцев, а также утраты сухопутного сообщения с Арменией, которое рассматривается им как стратегический выход к Черному морю и Европе.

Что касается, Грузии, Иран стремится использовать ее как транзитную территорию для доставки своих товаров через Черное море в Европу. В то же время иранское руководство пытается позиционировать себя как надежного политического стратега, предлагая себя в качестве посредника в разрешении российско-грузинских отношений [19].

Для Европейского союза и США Южнокавказский регион приобрел статус стратегического узла, играющего определяющую роль в обеспечении энергетической безопасности и диверсификации транзитных маршрутов в обход России. Азербайджан выступает ключевым стратегическим партнером ЕС в обеспечении функционирования Южного газового коридора, предназначенного для транзита каспийских углеводородов в Европу, в то время как Грузия и Армения являются субъектами поддержки в рамках программ институционального и демократического развития.

В последние годы все более заметным внешним актором на Южном Кавказе становится Китай. В рамках глобальной инициативы «Один пояс — один путь» Пекин рассматривает регион как важное звено сухопутных и мультимодальных транспортных маршрутов, связывающих Восточную Азию с Европой через Центральную Азию и Каспийское море. Особое значение для Китая приобретает Транскаспийский международный транспортный маршрут (Средний коридор), проходящий через Казахстан, Азербайджан и Грузию. В отличие от России, Турции или западных государств, Китай избегает прямого вовлечения в региональные конфликты, концентрируясь преимущественно на экономическом сотрудничестве, инвестициях в инфраструктуру и развитии торгово-логистических связей. Как отмечают эксперты (Kaczmarski, 2017; Rolland, 2019), усиление китайского присутствия способствует диверсификации внешнеэкономических связей государств Южного Кавказа и повышает геоэкономическую значимость региона в условиях трансформации глобальных цепочек поставок.

Заключение

Южный Кавказ остается стратегически важным регионом на международной арене, где сходятся интересы как региональных, так и глобальных игроков. Регион характеризуется уникальным сочетанием выгодного геостратегического расположения, значительных транзитных возможностей и активного влияния внешних игроков, что порождает сложную систему взаимоотношений сотрудничества и соперничества.

Исследование устанавливает, что ключевым препятствием на пути к формированию устойчивой модели региональной интеграции в последние десятилетия были затяжные этнополитические конфликты (армяно-азербайджанское противостояние) и нерешенность абхазского и южноосетинского вопросов. Однако, несмотря на длительность этнополитических конфликтов, трансформация региональной политической среды после Второго Карабахского конфликта, последующие процессы нормализации армяно-азербайджанских отношений и

продвижение мирного урегулирования создают предпосылки для формирования качественно новой архитектуры сотрудничества, смещаясь от противостояния к прагматичному взаимодействию. Динамика субрегиона определяется непростым балансом между факторами, способствующими его раздробленности (историческая память, расходящаяся политика), и стимулирующими макроэкономическую интеграцию.

Переломным моментом стало подписание Соглашения о мире между Азербайджаном и Арменией, породившее новую политическую реальность на Южном Кавказе. Достигнутые договоренности способствовали деэскалации напряженности, расширению диалога и созданию предпосылок для устойчивой стабилизации отношений между государствами.

Анализ экономических аспектов показывает, что наибольшим интеграционным потенциалом обладают транспортно-логистические и энергетические проекты. Развитие инфраструктурных инициатив, как Транскаспийский международный транспортный маршрут и Южный газовый коридор, способствует укреплению взаимозависимости государств региона и их более глубокой интеграции в глобальные цепочки поставок. В долгосрочной перспективе экономическая взаимовыгодность способна стать важнейшим фактором снижения конфликтности и формирования устойчивых механизмов доверия между странами Южного Кавказа.

Результаты исследования подчеркивают, что внешние акторы являются определяющим фактором в формировании перспектив регионального сотрудничества. Россия, Турция, Иран, Европейский союз, США и Китай продолжают оказывать существенное воздействие на политические и экономические процессы в регионе. Конкуренция их интересов порождает как вызовы для региональной консолидации, так и возможности для привлечения инвестиций, развития инфраструктуры и расширения международного сотрудничества.

Теоретически, ситуация на Южном Кавказе подтверждает положения теории региональных комплексов безопасности. Для полноценного понимания региональных процессов необходим комплексный подход, сочетающий неореалистический, неолиберальный институциональный и конструктивистский аналитические инструменты, позволяющие учитывать как геополитические интересы государств, так и роль исторической памяти, идентичности и институциональных механизмов сотрудничества.

Таким образом, перспективы развития Южного Кавказа напрямую связаны с тем, насколько эффективно государства региона смогут воплотить политические договоренности в устойчивые формы экономической кооперации и регионального управления. При условии успешного продвижения процессов нормализации отношений и расширения транспортно-энергетической инфраструктуры Южный Кавказ обладает потенциалом превратиться из арены геополитической борьбы в важный центр межрегионального сотрудничества, выступая связующим звеном между Европой, Ближним Востоком, Центральной Азией и Кавказским регионом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Cornell, S. E. (2011). The International Politics of the Armenian-Azerbaijani Conflict. ME Sharpe.
2. Buzan, B. (2003). Regional security complex theory in the post-cold war world. In Theories of new regionalism: A Palgrave reader (pp. 140-159). London: Palgrave Macmillan UK.
3. Nye, J. S. (1971). Peace in parts: Integration and conflict in regional organization. (No Title).
4. Keohane, R. O. (2005). After hegemony: Cooperation and discord in the world political economy. Princeton university press.
5. Waltz, K. N. (1979). Theory of International Politics, 250 pp.
6. Wendt, A. (1999). Social theory of international politics (Vol. 67). Cambridge university press.

7. Broers, L. (2019). Armenia and Azerbaijan: Anatomy of a rivalry. Edinburgh University Press.
8. Агаев, И. Г. (2023). Интересы региональных и мировых держав в открытии Зангезурского коридора. Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество, (6-1), 13-18.
9. Гаджинская, Н., & Джафаров, Р. Завершение Карабахского конфликта через призму международных аналитиков: путь к миру. law and politology, 59.
10. de Waal, T. (2019). Abkhazia and the danger of 'ossetianization'.
11. Allison, R. (2008). Russia resurgent? Moscow's campaign to "coerce Georgia to peace". International Affairs, 84(6), 1145–1171.
12. German, T. (2016). Regional cooperation in the South Caucasus: good neighbours or distant relatives?. Routledge.
13. de Waal, T. (2010). The Caucasus: An Introduction. Oxford: Oxford University Press.
14. German, T. (2024). Russia's war on Ukraine, the EU, and its eastern neighborhood: layers of liminality. Problems of post-communism, 71(3), 259-270.
15. Azhgaliyeva, D., Mogilevskii, R., & Akbar, R. (Eds.). (2024). Unlocking transport connectivity in the Caucasus and Central Asia. Asian Development Bank Institute. https://doi.org/10.56506/SLWV3183
16. Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. (2024, October 18). Regarding the Third Meeting of the 3+3 South Caucasus Regional Cooperation Platform in İstanbul.
17. Libman, A., & Vinokurov, E. (2012). Holding-Together Regionalism: Twenty Years of Post-Soviet Integration. Palgrave Macmillan.
18. Наджафов, Г. Н. О. (2008). Иран и государства Южного Кавказа. Центральная Азия и Кавказ, (1 (55)), 41-50.
19. Kaczmarski, M. (2017). Non-Western Visions of Regionalism: China's New Silk Road and the Politics of Rebalancing. Routledge.
20. Rolland, N. (2019). China's Eurasian Century? Political and Strategic Implications of the Belt and Road Initiative. National Bureau of Asian Research.